

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В МЕТАИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

Орлов И.Б., д.и.н., проф.
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
профессор кафедры прикладной политологии

Ни юридическое признание равенства народов, ни идея уникальности культур не отменяют того очевидного факта, что творческая роль народов в истории различна. На протяжении всей истории дореволюционной России и Советского Союза русские были доминирующим народом на пространстве, которое обозначается теперь как «ближнее зарубежье», являясь цементирующим элементом политической, социально-экономической и культурно-идеологической жизни единого государства. Нельзя не согласиться с мнением историка В.Д. Соловья, что «российская история – история не только русского народа, а Россия – плод и результат сотворчества многих народов, населяющих нашу страну, однако именно русским принадлежит ключевая роль в формировании этой истории и создании государства Россия, которое поэтому можно уверенно называть государством русского народа».²

Положение России в метаисторическом потоке определяется, прежде всего, вкладом страны в развитие человеческой культуры. Благоприятное влияние России на мировые исторические процессы связано исключительно с феноменом российской надэтнической культуры. Для формирования механизмов развития, по мнению Ю.В. Громыко, необходим «межцивилизационный диалог с другими народами, обеспечивающий преодоление «эгокультурности», являющейся своеобразной слепотой на тысячелетние устремления другой культуры и другой цивилизации».

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. *Российская государственность в метаисторическом измерении // Нравственное государство как императив государственной эволюции: Материалы Всерос. науч. конф., 27 мая 2011 г. М.: Научный эксперт, 2011. С. 121-129.*

² Соловей В.Д. *Русская история: новое прочтение.* М., 2005. С. 11.

Поэтому процессы развития по своей сути связаны с метакультурой, как «возможностью опознания и присвоения с позиции своей культуры других культур как высших ценностей».³

Подобная взаимосвязь цивилизационных и культурных факторов стала предметом анализа российской обществоведческой мысли. В частности, метаистория и метакультура выступают двумя составляющими культурологической концепции Д. Андреева. Развивая идеи С.Н. Булгакова о метаистории как «ноуменальной стороне того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история», Андреев представлял метаисторию как совокупность процессов нематериальной природы, отчасти находящих свое проявление в истории и имеющих по отношению к ней определяющее значение. Согласно воззрениям писателя, метаистория мифологична, провиденциальна, проникнута христианской эсхатологией и, самое главное, оценивает исторические события с точки зрения нравственности. В результате вечной борьбы сил Света и Тьмы человеческое общество претерпевает ряд трансформаций, сводимых Андреевым к нескольким основным типам народоустройства (см. рис. 1).

³ Громыко Ю.В. Национальная идея и государственная идеология в России // Электронный журнал «Научный эксперт». 2008. № 2. С. 70-90. URL: http://www.rusrand.ru/public/public_138.html

Рис. 1. Основные формы государственности

Конечно, у Андреева, метаистория находится вне исследовательского поля строгой науки. Однако среди выдвигаемых им задач преобразования мира присутствуют мониторируемые параметры «материального достатка и высокого культурного уровня»,⁴ а этико-воспитательные цели не расходятся с современными задачами российской государственности.

Философ В.В. Савельев отмечает, что на рубеже II и III тыс. в дополнение к этническому и национальному типам культуры зарождается новое культурное пространство, обозначаемое им как супернациональный или цивилизационный тип культуры.⁵ Эта новая реальность нашла свое

⁴ Шабага А.В. Метаистория // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/dictionary/182/word/%CC%C5%D2%C0%C8%D1%D2%CE%D0%C8%DF>

⁵ Савельев В.В. Цивилизационный тип культурного пространства и идентичности в России: к постановке проблемы // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 476.

отражение в документах ЮНЕСКО, в том числе во Всемирном докладе по культуре 2000 г. «Культурное многообразие, конфликт и плюрализм».⁶

Онтологизирующее понимание метаистории практически отождествляет ее с тем уровнем исторического обобщения, на котором миром овладевают энергии космических, цивилизационных и социальных ритмов. Для российской государственности это положение актуализируется цивилизационным измерением последней. Другими словами понятия «российская государственность» и «русская цивилизация» в своих сущностных чертах синонимичны.

Распространено толкование метаистории, вытекающее из предположения, что люди творят свою историю не только благодаря способности принимать решения, но и через интерпретации, приписываемые ими прошлому, настоящему и будущему. То есть, помимо материальных условий своего бытия, люди детерминированы в своих действиях правилами означивания истории. Тем самым предметом аналитической метаистории, в отличие от историософии, ищущей проникновения в надчеловеческие объективные сущности, становится исследование смыслов, которыми история облекается коллективным сознанием людей.⁷ Не случайно, в отечественном обществоведении в последние годы сложилось понимание метаистории как некоего «проекта российской соборности», ориентированного на нравственную государственность.

Важным «полем» цивилизационной и культурной идентификации всегда была православная церковь с ее ориентацией на святыни и знаковые символы русского народа и российского государства. Сначала возникло православие, и только на основании единства созданного им менталитета оформилась геополитически континуальная Россия. Поэтому православные мордвины, удмурты и карелы до сего времени отождествляют себя с Россией,

⁶ Всемирный доклад по культуре 2000+. Культурное многообразие: конфликт и плюрализм. М., 2002. С. 414.

⁷ Подробнее по этому вопросу см.: Цымбурский В. Метаистория и теория трагедии // Общественные науки современность. 1993. № 5–6.

тогда как лютеране (финны и эстонцы), принадлежащие к той же языковой семье, не делали этого никогда.⁸

Еще одно метаисторическое измерение государственности – это историческая миссия национально-государственного организма. Так или иначе, в метаисторическом измерении национальные идеи состоявшихся государств, при всех отличиях, содержат мессианскую идею. Так, у французов – это «культурная экспансия», у англичан – «цивилизаторская миссия белого человека», у американцев – «американский образ жизни», у немцев – идея «третьей империи», у итальянцев – мировая миссия фашизма, у испанцев – вселенская миссия народа-крестоносца. Сюда же можно отнести японскую миссию «истинного пути», позиционирование Китая как центра мира и истории и др. Помимо лидеров государств (см., например, голлизм, ставший идеологией Пятой Республики, или идею европейского единства Ф. Миттерана во Франции; «старопрусские ценности» Отто фон Бисмарка или идея «социального государства» Л. Эрхарда в Германии; идея «Иберо-американского единства» Ф. Франко и др.), государственная идеология и национальная идея озвучиваются духовной и интеллектуальной элитой тех или иных стран. Наглядный пример тому – декларация «Молодой Италии» (1831 г.) Дж. Мадзини, идеология «испанидад» Хосе Антонио Примо де Ривера, концепция «кокутай» Аидзавы Сэйсисая, ставшая официальной доктриной мэйдзийской Японии, гандизм в Индии и т.п.

Российская государственность также всегда несла в своей основе нравственно-идеологическую доктрину, связанную с попытками сформулировать историческую миссию национально-государственного организма. Эта специфика была обусловлена суровыми природными условиями и выростала из основ семейно-родовой организации русского общества. Россия (в том числе заключенная в рамках СССР) строилась как государство традиционного типа в рамках доктрины мирового справедливого

⁸ Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002. С. 227-228.

и нравственного устройства. В силу этого, перспективы развития российской цивилизации были тесно связаны с ориентацией на мировое нравственное устройство, что в рамках православия осознавалось в виде метафор «Святой Руси» для России и «народа-богоносца» для русского народа. Ф.М. Достоевский, внесший огромный вклад в определение национальной идеи, высказал мысль, что Россия «во всю свою историю жила не для самой себя». Служение миру, человечеству – вот главная идея «народа-богоносца». Поэтому «расширение идеи православия» было для России способом духовного служения человечеству.⁹

В качестве идеологического и ценностного обоснования образования суверенного государства российской властью и православной элитой была использована наднациональная интеграционная идея «Москвы – Третьего Рима», ставшая реакцией на падение Константинополя под натиском Турецкого халифата в 1453 г. Сама по себе идея «длящегося Рима», положенная в ее основу, не оригинальна и распространена во всех христианских странах. Однако Филофей объединил эту идею с известной в древнерусской литературе идеей богоизбранности Руси. Тем самым старец обосновал историческую миссию русского государства, призванного сохранить истинную православную веру и спасти весь христианский мир.¹⁰ Идеология, сформулированная Филофеем, была некой программой евразийской «глобализации», которая в России приобрела эсхатологические черты.

И, наконец, место России в метаистории определяется ее геополитическим положением. Если отказаться от однобокого западнцентризма, можно увидеть, что в своей истории Россия добилась

⁹ Цит. по: Львова Н. Национальная (цивилизационная) идентичность, этничность и гражданственность – российская формула гражданской нации // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 482-483.

¹⁰ Вязовик Т.П. Особенности консолидирующей идеи в России // // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 638.

многого. Она сохранила национальную независимость, сумела освоить огромную территорию и создать разветвленные структуры цивилизации и государственности. К числу российских государственных и цивилизационных достижений можно отнести успешную интеграцию и ассимиляцию других народов, формирование полноценной и влиятельной национальной культуры. До 1950-х годов удавалось поддерживать и высокую демографическую динамику. Кроме того, достигнутое в жестокой борьбе политическое и военное доминирование в Северной Евразии позволило России сыграть решающую роль в битвах за мировое господство, развернувшихся в XIX-XX веках.

При этом надо понимать, что «особый путь» России - это не претензия на исключительную роль в мировом процессе. Своеобразный «русский путь» во многом сложился как ответ на исторический вызов Запада. Но историю нашего Отечества следует понимать и как стратегический выбор в ряду равнозначных альтернатив. Концепция взаимоотношений России и Запада в рамках «вызова – ответа» не нова. Начиная с Петра I, ось «Запад-Восток» становится доминантным ориентиром и моделью целостной шкалы. В XIX в. П.Я. Чаадаев заложил интеллигентскую традицию решения проблемы российской самобытности в основном в рамках оппозиции «Россия-Запад».¹¹ Однако в большей мере эта оппозиция затрагивает сферу политики, экономики и идеологии. Так, для А. Тойнби колонизация земель Востока – «ответ» российской цивилизации на давление кочевников периферии. По его мнению, до Ивана III Россия не испытывала потребности в контактах с Западом, но затем она стала жертвой агрессии последнего и вынуждена была отвечать на внешний «вызов»: сначала военный, а потом технологический. Причем, Россия стала первой цивилизацией, взявшейся ответить на него. Даже большевизм Тойнби рассматривал как экономический и религиозный «ответ» России Западу.¹²

¹¹ См.: Русская литература. 1995. № 3. С. 15-16,19-20,38-39.

¹² Там же. С. 119.

Как уже отмечалось, в российской традиции этическое начало испокон веков было приоритетным. Характерно, опросы россиян даже в криминальные девяностые годы прошлого века демонстрировали в числе обозначаемых ценностей русского характера такие характеристики, как: откровенный, щедрый, бесшабашный, прощающий, непрактичный, доверчивый, миролюбивый, - то есть традиционно выделяется повышенная значимость по фактору «моральность».¹³ Да и само российское государство, по И.А. Ильину, «есть не корпорация («все снизу») и не учреждение («все сверху»), но сочетание того и другого».¹⁴ Формирование и развитие общества, форму его государственности и хозяйствования, характер протекания исторических процессов и особый национальный характер ее народа во многом обусловило срединное (геополитическое и цивилизационное) положение России между Востоком и Западом.

Многие исследователи сегодня делают вывод о том, что глобализационные процессы последовательно оттесняют национальные экономики, «как бы растворяя их в гигантском хозяйственном организме планетарных масштабов».¹⁵ Тем самым происходит девальвация роли и значимости государств, которые на протяжении многих десятилетий служили системообразующими структурами. Но многовековой опыт национальной государственности свидетельствует, что поступательное развитие невозможно без эффективного государства, то есть такого государства, которое «способно обеспечить устойчивый экономический рост, полноценную реализацию личностного потенциала каждого индивидуума, обеспечить сохранность и восстановление экологической среды проживания нации, ... выполнять задачи ликвидации диспропорциональности

¹³ См., например: Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 107.

¹⁴ Ильин И.А. Какие выборы нужны России? // Собр. соч. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 24.

¹⁵ Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. М.: Юрист, 2003, С. 43.

территориального развития и обеспечивать целостность, единство территории».¹⁶

Эффективность великой державы в метаисторическом контексте во многом определяется:

- очевидной государственной дееспособностью и, прежде всего, способностью быстро мобилизовать огромные ресурсы;
- притягательностью культурных ценностей и общепризнанным культурным и духовным превосходством;
- способностью эффективно поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство;
- эффективностью собственной экономики и ее мировой конкурентоспособностью;
- государственным обеспечением статуса гражданина державы;
- чувством «особой миссии» державы, в том числе и «цивилизационного освоения» собственного пространства.¹⁷

Следует признать, что «православное государство» в политическом смысле – прежде всего государство идеократическое, то есть такое, где внутренняя и внешняя политика строятся на основе какой-либо религиозной идеологии. Показательно, что концепцию идеократического государства развивали многие русские мыслители начала XX ст. В частности, Н.С. Трубецкой полагал, что подобное государство характеризуется не тем, что власть в нем принадлежит духовенству, а тем, что «правлящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице».¹⁸ Единственной страной на постсоветском пространстве, где религиозная

¹⁶ Перская В.В. Национальное государство – есть ли будущее в условиях глобализации // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 133.

¹⁷ Подробнее по этому вопросу см.: Владимиров А.И. О национальной государственной идее России // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2000. № 3. С. 41-69.

¹⁸ Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 518.

идеология является частью идеологии государственной, на сегодняшний день является Белоруссия. Столпом современной государственной идеологии Белоруссии выступает панславизм - одна из религиозных идеологий, созданных на основе православия. Тогда как Россия на сегодняшний момент не является ни православной страной в идейно-политическом смысле, ни, тем более – лидером православного мира. Да и сам православный мир пока не существует как политическое целое, так как не выработано единой идеологии для его объединения. Но именно Россия имеет реальные исторические шансы стать таким лидером и объединить вокруг себя весь православный мир. Во-первых, она - самая крупная и мощная из предполагаемых православных стран; во-вторых, со времени появления в конце XV в. русского централизованного государства Россия на протяжении всей своей истории сохраняла государственность; и, в-третьих, она единственная православная страна, имеющая развитое представление о своей глобальной миссии.¹⁹

Заметим, что речь не идет о каком-то «неоконсервативном проекте». Ведь и на Западе идеология государства нередко раскрывается через их религиозную идентификацию. Вспомним, что канонизация в 1920 г. Жанны д'Арк совпала с претензиями французов на национальную исключительность. Заметим и то, что по сей день в Израиле отсутствует Конституция, ибо, согласно представлениям ортодоксальных иудеев, Основной Закон уже был дан евреям в виде заповедей Божьих Моисею.²⁰

В ряде случаев религиозные ценности встраиваются и в конституционные акты разных государств. В Преамбуле Конституции Албании 1998 г. прописаны «всеобъемлющие ценности», различаемые с ценностями «общечеловеческими». На наличие особой национальной традиции указывает ст. 26 Конституции Андорры 1993 г. На «милость Господа, источника всеобщего разума и справедливости» уповаает

¹⁹ Митрофанова А.В. Россия и славяно-православный мир: от иллюзий к реальности // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 181-182.

²⁰ Саидов А.Х. Национальные парламенты мира: энциклопедический справочник. М., 2005. С. 264.

Конституция Аргентины 1994 г. А в ст. 19. «суд божий» и «воля божья» фигурируют как некая данность. Ответственность перед Богом находилась для немцев на первом месте в качестве исходного основания установления Конституции Германии 1949 г. В ст. 44 Конституции Ирландии 1999 г. государство признает, что «уважение к публичному поклонению является исполнением долга перед Всемогущим Богом». Тогда как в Конституции РФ, при акценте на многонациональности России, игнорируется ее конфессиональная неоднородность.²¹

Легитимация самодержавной российской власти изначально носила двойственный характер и проявлялась, с одной стороны, как легитимация в рамках византийской традиции, согласно которой сакрализуется не только царь (император), но и сама политическая система, с другой - как легитимация власти царя в контексте западноевропейской секуляризованной парадигмы, когда власть императора обретает законность в силу того, что он является источником законности. Иными словами, перед российской властью изначально стояло две задачи: сформировать систему, которая бы отвечала наднациональной идеологии на внутригосударственном пространстве, и интегрироваться в мировое христианское пространство, вернув тем самым христианский мир к его истокам, т.е. на путь истины. Модель, находившаяся в основе формирования суверенной российской государственности, воспроизвелась при образовании советского государства. Наднациональная «квазисакральная» идея «спасения» мира явилась пусковым механизмом нового созидания государства, в котором власть и порядок, ею установленный, легитимировались по известному образцу: идея «спасения в коммунизме» устанавливала неразрывную связь между индивидом (советским человеком), с одной стороны, и социалистическим государством и партией (вожди, «политбюро»), с другой, так как только в пределах

²¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2005. С. 11.

социалистического государства, возглавляемого «партией», индивид (его потомки) мог достичь «спасения» - земного рая, коммунизма.²²

Среди негативных последствий распада СССР метаисторического масштаба отмечаются, прежде всего, два: ослабление российской метакультуры и нарушение геополитического баланса. В результате крушения Советской сверхдержавы бы разрушен «двухполюсный мир», а США получили возможность претендовать на мировое господство.²³ А в России воцарилось «государство-дезертир», уже давно сложившееся под давлением Запада в Латинской Америке.

Тогда как сущностными атрибутами великой державы, способной занять достойное место в метаисторическом потоке, выступают: сильная государственность, обладающую устойчивой легитимностью; наличие цивилизационного проекта, понятого и поддержанного большинством общества; наличие мировоззренческой матрицы («культурного ядра»), собирающей население в народ. Все эти три условия взаимосвязаны, а народ и государство представляют собой две ипостаси такой державы.

В условиях инициированной Западом глобализации девальвация роли и значимости государства, которое на протяжении многих веков служило системообразующей структурой и обеспечивало поступательное развитие общества, ставит вопрос об изменении самой сущности данного института. В России во многом декларативный концепт правового и социального государства сегодня должен быть пронизан насквозь нравственной компонентой. Другими словами, нравственное государство в метаисторическом измерении должно рассматриваться как очередной, наряду с правовым и социальным, этап развития государственности вообще.

²² Вязовик Т.П. Указ. соч. С. 638-639.

²³ Чудотворцев И. К метаистории Новой России // RozaMira.Org. Опубликовано: 22.09.2008. URL: http://rozamira.org/paper/metahistory/chudotvortcev/06-new_russia/new_russia.htm